

Николай Бердяев

САМОПОЗНАНИЕ

Москва, 2018

УДК 1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б48

Бердяев, Н.

Б48 Самопознание / Н. Бердяев. – М. : T8RUGRAM, 2018. – 486 с.

ISBN 978-5-521-06765-7

Имя Николая Александровича Бердяева (1874–1948) – выдающегося христианского и политического мыслителя, проповедника философии личности и свободы в духе религиозного экзистенциализма и персонализма – вписано в историю не только русской, но и мировой культуры.

«Самопознание» – одна из последних работ Бердяева, оценённая им как «опыт философской автобиографии», основными темами которой являются личность и время, личность и эпоха, личность и её внутренняя свобода. Написанное простым, но образным языком, это произведение будет интересно широкому кругу читателей.

УДК 1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC HP
BISAC JNF040000

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава I. ИСТОКИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ. Я И МИРОВАЯ СРЕДА. ПЕРВЫЕ ДВИГАТЕЛИ. МИР АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ	13
Глава II. ОДИНОЧЕСТВО. ТОСКА. СВОБОДА. БУНТАРСТВО. ЖАЛОСТЬ. СОМНЕНИЯ И БОРЕНИЯ ДУХА. РАЗМЫШЛЕНИЕ ОБ ЭРОСЕ ...	53
Глава III. ПЕРВОЕ ОБРАЩЕНИЕ. ИСКАНИЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ.....	111
Глава IV. МИР ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ. ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ	121
Глава V. ОБРАЩЕНИЕ К РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛИЗМУ. МАРКСИЗМ И ИДЕАЛИЗМ.....	145
Глава VI. РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ РЕНЕССАНС НАЧАЛА XX ВЕКА. ВСТРЕЧИ С ЛЮДЬМИ.....	185
Глава VII. ПОВОРОТ К ХРИСТИАНСТВУ. РЕЛИГИОЗНАЯ ДРАМА. ДУХОВНЫЕ ВСТРЕЧИ	227

Глава VIII. МИР ТВОРЧЕСТВА. «СМЫСЛ ТВОРЧЕСТВА» И ПЕРЕЖИВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО ЭКСТАЗА	283
Глава IX. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МИР КОММУНИСТИЧЕСКИЙ.....	307
Глава X. РОССИЯ И МИР ЗАПАДА	335
Глава XI. МОЯ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ. МИР ЭСХАТОЛОГИИ. ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ.....	405
Глава XII. О САМОПОЗНАНИИ И ЕГО ПРЕДЕЛАХ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СЕБЕ	435
ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ.	461
Добавление 47 года	479

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга эта мной давно задумана. Замысел книги мне представляется своеобразным. Книги, написанные о себе, очень эгоцентричны. В литературе «воспоминаний» это часто раздражает. Автор вспоминает о других людях и событиях и говорит больше всего о себе. Есть несколько типов книг, написанных о себе и своей жизни. Есть, прежде всего, дневник, который автор вел из года в год, изо дня в день. Это очень свободная форма, которую сейчас особенно любят французы. «Дневник» Амиеля¹ — самый замечательный образец этого типа, из более новых — Journal² А. Жида. Есть исповедь. Блаженный Августин и Ж. Ж. Руссо дали наиболее прославленные примеры. Есть воспоминания. Необъятная литература, служащая материалом для истории. «Былое и думы» Герцена — самая блестящая книга воспоминаний. Наконец, есть автобиография, рассказывающая события жизни внешние и внутренние в хронологическом порядке. Все эти типы книг хотят с большей или меньшей правдивостью и точностью рассказать о том, что было, запечатлеть бывшее. К бывшему принадлежат, конечно, и мысли и чувства авторов. Моя книга не принадлежит вполне ни к одному из этих типов. Я никогда не писал дневника. Я не собираюсь публично каяться. Я не хочу писать воспоминаний о событиях жизни моей эпохи, не такова

¹ Дневник Амиеля... — произведение швейцарского писателя и философа XIX века Анри Амиеля (1821–1881).

² «Journal» А. Жида. — «Дневник» французского писателя Андре Жида (1869–1951) охватывает период с 1889 по 1949 год; при жизни Бердяева выходил частями.

моя главная цель. Это не будет и автобиографией в обычном смысле слова, рассказывающей о моей жизни в хронологическом порядке. Если это и будет автобиографией, то автобиографией философской, историей духа и самосознания. Воспоминание о прошлом никогда не может быть пассивным, не может быть точным воспроизведением и вызывает к себе подозрительное отношение. Память активна, в ней есть творческий, преображающий элемент, и с ним связана неточность, неверность воспоминания. Память совершает отбор, многое она выдвигает на первый план, многое же оставляет в забвении, иногда бессознательно, иногда же сознательно. Моя память о моей жизни и моем пути будет сознательно активной, то есть будет творческим усилием моей мысли, моего познания сегодняшнего дня. Между фактами моей жизни и книгой о них будет лежать акт познания, который меня более всего и интересует. Гете написал книгу о себе под замечательным заглавием «Поэзия и правда моей жизни». В ней не все правда, в ней есть и творчество поэта. Я не поэт, я философ. В книге, написанной мной о себе, не будет выдумки, но будет философское познание и осмысливание меня самого и моей жизни. Это философское познание и осмысливание не есть память о бывшем, это есть творческий акт, совершаемый в мгновении настоящего. Ценность этого акта определяется тем, насколько он возвышается над временем, приобщается ко времени экзистенциальному, то есть к вечности. Победа над смертоносным временем всегда была основным мотивом моей жизни. Книга эта откровенно и сознательно эгоцентрическая. Но эгоцентризм, в котором всегда есть что-то отталкивающее, для меня искупается тем, что я самого себя и свою жизнен-

САМОПОЗНАНИЕ

ную судьбу делаю предметом философского познания. Я не хочу обнажать души, не хочу выбрасывать во вне сырьё своей души. Эта книга по замыслу своему философская, посвященная философской проблематике. Дело идет о самопознании, о потребности понять себя, осмыслить свой тип и свою судьбу. Так называемая экзистенциальная философия, новизна которой мне представляется преувеличенной, понимает философию как познание человеческого существования и познание мира через человеческое существование. Но наиболее экзистенциально собственное существование. В познании о себе самом человек приобщается к тайнам, неведомым в отношении к другим. Я пережил мир, весь мировой и исторический процесс, все события моего времени как часть моего микрокосма, как мой духовный путь. На мистической глубине все происшедшее с миром произошло со мной. И настоящее осмысливание заключается в том, чтобы понять все происшедшее с миром как происшедшее со мной. И тут я сталкиваюсь с основным противоречием моей противоречивой натуры. С одной стороны, я переживаю все события моей эпохи, всю судьбу мира как события, происходящие со мной, как собственную судьбу, с другой стороны, я мучительно переживаю чуждость мира, далекость всего, мою неслиянность ни с чем. Если бы я писал дневник, то, вероятно, постоянно записывал в него слова: «Мне было это чуждо, я ни с чем не чувствовал слияния, опять, опять тоска по иному, по трансцендентному». Все мое существование стояло под знаком тоски по трансцендентному.

Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей родины, и для всего мира. На моих глазах рушились целые миры и возникали новые. Я мог наблюдать необы-

чайную превратность человеческих судеб. Я видел трансформации, приспособления и измены людей, и это, может быть, было самое тяжелое в жизни. Из испытаний, которые мне пришлось пережить, я вынес веру, что меня хранила Высшая Сила и не допускала погибнуть. Эпохи, столь наполненные событиями и изменениями, принято считать интересными и значительными, но это же эпохи несчастные и страдальческие для отдельных людей, для целых поколений. История не щадит человеческой личности и даже не замечает ее. Я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, малую и большую, пережил духовный ренессанс начала XX века, потом русский коммунизм, кризис мировой культуры, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию ее победителями, я пережил изгнание, и изгнанничество мое не кончено. Я мучительно переживал страшную войну против России. И я еще не знаю, чем окончатся мировые потрясения. Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании. И вместе с тем я никогда не был человеком политическим. Ко многому я имел отношение, но, в сущности, ничему не принадлежал до глубины, ничему не отдавался вполне, за исключением своего творчества. Глубина моего существа всегда принадлежала чему-то другому. Я не только не был равнодушен к социальным вопросам, но и очень болел ими, у меня было «гражданское» чувство, но в сущности, в более глубоком смысле, я был асоциален, я

САМОПОЗНАНИЕ

никогда не был «общественником». Общественные течения никогда не считали меня вполне своим. Я всегда был «анархистом» на духовной почве и «индивидуалистом».

Книга моя написана свободно, она не связана систематическим планом. В ней есть воспоминания, но не это самое главное. В ней память о событиях и людях чередуется с размышлением, и размышления занимают больше места. Главы книги я распределил не строго хронологически, как в обычных автобиографиях, а по темам и проблемам, мучившим меня всю жизнь. Но некоторое значение имеет и последовательность во времени. Наибольшую трудность я вижу в том, что возможно повторение одной и той же темы в разных главах. Единственное оправдание, что тема вновь будет возникать в другой связи и другой обстановке. Я решаюсь занять собой не только потому, что испытываю потребность себя выразить и отпечатлеть свое лицо, но и потому, что это может способствовать постановке и решению проблем человека и человеческой судьбы, а также пониманию нашей эпохи. Есть также потребность объяснить свои противоречия. Такого рода книги связаны с самой таинственной силой в человеке, с памятью. Память и забвение чередуются. Я многое на время забываю, многое исчезает из моего сознания, но сохраняется на большей глубине. Меня всегда мучило забвение. Я иногда забывал не только события, имевшие значение, но забывал и людей, игравших роль в моей жизни. Мне всегда казалось, что это дурно. В памяти есть воскрешающая сила, память хочет победить смерть. Но наступало мгновение, когда я вновь вспоминал забытое. Память эта имела активно-преображающий характер. Я не принадлежу к людям, обращенным к прошлому, я обращен к будущему. И прошлое имеет для

меня значение как чреватое будущим. Мне не свойственно состояние печали, характерное для людей, обращенных к прошлому. Мне свойственно состояние тоски, что совсем иное означает, чем печаль. Я человек более драматический, чем лирический, и это должно отпечатлеться на моей автобиографии. Думая о своей жизни, я прихожу к тому заключению, что моя жизнь не была жизнью метафизика в обычном смысле слова. Она была слишком полна страстей и драматических событий, личных и социальных. Я искал истины, но жизнь моя не была мудрой, в ней не господствовал разум, в ней было слишком много иррационального и нецелесообразного. Светлые периоды моей жизни чередовались с периодами сравнительно темными и для меня мучительными, периоды подъема чередовались с периодами упадка. Но никогда, ни в какие периоды я не переставал напряженно мыслить и искать. Наиболее хотел бы я воскресить более светлые и творческие периоды моей жизни. Хотел бы я, чтобы память победила забвение в отношении ко всему ценному в жизни. Но одно я сознательно исключаю, я буду мало говорить о людях, отношение с которыми имело наибольшее значение для моей личной жизни и моего духовного пути. Это понятно. Но память наиболее это хранит и хранит для вечности. Марсель Пруст, посвятивший все свое творчество проблеме времени, говорит в завершительной своей книге: «книге *Le temps retrouve*: «J'avais trop experimente l'impossibilite d'atteindre dans la realite ce qui etait au fond moi-meme»¹. Эти слова я мог бы взять

¹ «Я никогда не достигал в реальности того, что было в глубине меня» (фр.). Цитата из книги «Обретенное время», входящей в цикл романов Марселя Пруста (1871–1922) «В поисках утраченного времени».